

Л.М. Вардомацкі

Памятники письменности Верхнего Подвинья в контексте истории белорусского языка

Изучение истории, образа жизни, мировоззрения, материальной и духовной культуры славян на основе изучения их языков имеет уже достаточно богатую традицию, широко представленную в специальной литературе по различным славянским языкам. В российском языкознании здесь можно вспомнить работы О.Н. Трубачева, В.Н. Топорова, Н.И. Толстого, Л.В. Куркиной, В.М. Иллич-Свитыча и мн. др. В белорусском языкознании широко известны работы по этой проблематике А.М. Булыко, А.И. Журавского, А.А. Кривицкого, В.В. Аниченко и многих других исследователей. Значительный интерес к этой проблеме проявляют и польские языковеды. Назовем здесь в качестве примера такие известные (и не только в Польше) имена, как Х. Поповска-Таборска, В. Будишевска, В. Борись, Т. Лехр-Сплавиньски и мн. др.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в последней четверти XX века исследования в этом направлении как бы в целом приостановились, оказавшись в некотором затруднении. Причина этому – та первоначальная глобальная задача, которую вольно или невольно ставили перед собой исследователи: это попытка на основе сравнительно-сопоставительного анализа описать некий исходный общеславянский языковой инвариант, установить прародину древних славянских племен. Но в результате глубоких исследований, базируемых на обширном фактическом материале, языковеды вновь и вновь приходили к выводу, что «...мы не в состоянии однозначно определить локализацию древнейших славянских поселений ни исходя из данных гидронимии, ни в свете анализа славянских этнонимов, ни изучая терминологию ботаническую и зоологическую, ни опираясь на современные славянские лексические системы...» [1]. (Здесь и далее перевод наш – Л.В.).

Выраженный в этих словах пессимизм (отметим – вполне оправданный), является, по сути, обобщающим выводом по итогам работы целого языкового направления, что в целом и привело к некоторому угасанию активности ученых в работе по сравнительно-историческому исследованию славянских языков.

Сегодня на базе значительных достижений мирового языкознания и новых экстралингвистических факторов появилась возможность уточнить некоторые базовые историко-лингвистические понятия, которые в той или иной степени приводили к многозначности или неоднозначности лингвистических наблюдений. И в первую очередь нам следует присоединиться к голосам тех языковедов, которые считают необходимым внести четкость и ясность в историческое понимание термина «русский язык».

Историческое содержание термина «русский язык» не равно его современному значению. Это априори определялось всеми историческими грамматиками

XX в. Но, обращаясь к истории русского языка, разные исследователи обращались часто «к корням совершенно различных растений».

В наши дни термин «русский язык» обозначает язык русской нации. Употребляя этот термин, мы отделяем русский язык не только от других родственных и неродственных языков мира, но даже от таких близкородственных языков, как белорусский и украинский. В историческом же понимании термин «русский язык» имеет качественно иное содержание.

Известно, что к началу письменной истории восточных славян (нач. XI в.), и сами восточные славяне, и их соседи Русью называли обширную территорию от Закарпатья на западе до верховьев Оки на востоке и от реки Волхов на севере до нижнего течения Днепра. Таким образом, термином «русский язык» обозначали язык всех восточных славян. Точнее говоря, русский язык этого времени представлял собой совокупность близких друг к другу первоначально племенных, а затем территориальных диалектов восточных славян. Различия между этими диалектами были, вероятно, настолько несущественными при общении, что – интересный факт, на который мало кто обращает внимание – памятники письменности не донесли до нас ни одного указания летописцев или переписчиков на языковые различия Киевской, Полоцкой или, скажем, Новгородской Руси. Временные рамки этого общевосточнославянского языка можно условно определить с распада общеславянского единства – около VI в. н.э. – и приблизительно до XIV в.

С XIV в. начинается политическое и военное возвышение Москвы, первоначально небольшого города Ростово-Суздальского края, благодаря, прежде всего, ее активности в борьбе с Золотой Ордой. В сфере влияния Московского княжества постепенно оказываются другие северо-восточные княжества. Складывается Московское государство. С образованием на северо-востоке восточнославянской территории Московского государства и связано образование новой русской народности и ее языка, за которым волею истории закрепилось название «русский язык». Приблизительно в это же время (первоначально в Московском государстве) за украинскими и белорусскими землями, оказавшимися в сфере влияния западных соседей, закрепляются названия Малая Русь и Белая Русь.

Таким образом, следует считать, что новый русский язык, «непосредственный предок» современного русского языка, начинает формироваться с XIV–XV вв. на основе ростово-суздальского, а затем и московского диалектов. С этого времени и начинается его история.

Параллельно термин «русский язык» еще длительное время продолжает использоваться в своем первоначальном значении: в качестве названия языка территорий ранних древнерусских княжеств (по оси Новгород–Полоцк–Киев). Причем летописцы указывают на существование некоторых, хоть и незначительных, языковых отличий языка этих земель от западных и восточных соседей. Так, в «Kronice świata» («Хронике мира») 1551 г. Мартин Бельский указывает на чрезвычайную близость «русского, московского, сербского, чешского языков» с польским языком того времени. Приблизительно в это же время другой западнославянский автор указывает: «Москва от Руси мало чем отличаются в языке, а Русь от поляков и мазуров». Как видно, авторы разграничивают понятия «русский язык» и «московский язык». А в Статуте Великого княжества Литовского 1566 года, как известно, записано: «А писар земский по руску маеть литзрами и словы рускими вси листы и поэвы писати, а не иньшым языком и словы». Таких указаний в текстах XIII–XVI вв. достаточно большое количество. Понятно, что, употребляя выражение «по руску», создатели Статута имели в виду язык, на котором говорили восточные славяне, жившие на территории современной Беларуси.

Таким образом, изучая язык памятников письменности Верхнего Придвинья и Верхнего Приднепровья, мы изучаем исконный русский язык на его исконной территории. И в этом объяснение такой языковой близости (если не идентичности) памятников письменности XI–XIV веков, представляющих обширную территорию с юга на север и с запада на восток. (Известно, что изучая Статут ВКЛ, исследователь пришел к выводу, что язык Статута не отличается от текстов, написанных во Львове).

Немногочисленные дошедшие до нас памятники письменности свидетельствуют, что уже к началу XI века наши далекие предки имели значительно более высокий уровень устройства общественных, экономических и политических отношений, чем мы себе это представляем, употребляя термин «Древняя Русь». Их знания о внешнем мире, географическом положении своей земли были на удивление обширны и точны. Так, уже автору «Повести временных лет» известно, что «...Днѣпръ бо потече из оковьского лѣса) и потечеть на полъдне · а двина ис того же лѣса потече^м а идетъ на полунощье и внидетъ в море варяжьское · ис того же лѣса потече волга на възтокъ и вътечетъ ... в море хвалисьское (Каспийское)...». Такие свидетельства указывают на активность торгово-экономических отношений восточных славян с другими землями, поскольку реки, как известно, являлись основными торговыми дорогами восточных славян. Это одна из главных причин, по которой уже к началу XIII века земли, примыкающие к бассейну Западной Двины (в древнерусском – просто Двины), становятся ареной столкновения интересов различных политических центров: Смоленска, Витебска, Полоцка, княжеств Нижнего Придвинья. «Двина была первой и главнейшей исторической дорогой Полоцка, – пишет Н. Ермолович. – И поэтому овладение ею на всем протяжении от верховьев до устья стало его важнейшей жизненной задачей. Поскольку с присоединением Витебска и Усвятов овладение Верхней Двиной было закреплено еще при Брачиславе, то перед Всеславом встала в качестве одной из главнейших задач – овладение Нижним Подвиньем... Подчинение Нижнего Подвинья было в целом закончено к 1065 году» [2]. Таким образом, Витебск и Полоцк достаточно длительное время (более 100 лет) имели возможность прямого выхода в Варяжское (Балтийское) море и – значит – далее в Европу. По свидетельству «Хроники Ливонии», еще в первой половине XIII в. две крепости в Нижнем Придвинье – Герцике и Куккенойс – платили дань Полоцку, были «русскими» городами [3]. Но начиная уже с 1203 года – неудачного похода полочан против Ливонского Ордена и осады ими крепости Икескола (под Ригой) – полоцко-витебские князья постепенно теряют власть над Нижним Подвиньем. Вместе с тем и Рига, и Полоцк, и Витебск крайне нуждались в беспрепятственном передвижении по Двине, которая была важнейшим торговым путем между востоком и западом. Поэтому отношения между Ливонским Орденом и Полоцком, Витебском, Смоленском начинают регулироваться с помощью договорных грамот. Среди таких документов – и Грамота князя Герденя 1264 года.

О самом Гердене известно немного. Вероятно, он был полоцким князем между 1263(?) и 1267 годами [2, с. 296]. Причем Гердень, как можно судить по тексту указанной грамоты, являлся одновременно и князем витебским. Во всяком случае, в полной мере представлял интересы Витебска в отношениях с Ригой, а также с другими славянскими княжествами. При князе Гердене продолжилось ослабление Полоцкого княжества, оказавшегося между набравшим силу Новгородом, Литвой и Псковом [4]. В 1267 году Гердень потерпел очередное поражение в битве с объединенными силами Пскова и Новгорода. Причем в этом бою погиб и сам князь Гердень, а его владение было «много повоевано».

Исследуемая грамота «написана у Ризе» в 1264 году «по рожен бжию за три дни». Некоторые исследователи переводят эту фразу как 22 декабря [1, с. 297]. Вместе с тем следует обратить внимание на употребленный здесь предлог *по*, имевший в древнерусском языке значение 'после'. Следовательно, «по рожен бжию дни за три дни» может обозначать 'после дня божьего рождения' (т.е. Рождества) через три дня.

Грамота адресована «*всем темь кто видить сую грамоту*», но прежде всего, вероятно, рижскому магистрату. В первой части документа князь Гердень подтверждает, что будет выполнять обязательство, данное его предшественником Константином «*што есть лотыгольская земля какъ не вступати ся на тую землю*», т.е. речь идет о том, что Полоцк отказывается от претензий на владение лотыгольской землей. В свою очередь, от Полоцкой земли «*мештеру и братие его отступити*». Вторая часть грамоты – договор о правах полоцких купцов в Риге и немецких купцов в Полоцке и Витебске.

Для языковедов грамота особенно интересна тем, что в значительной степени доносит до нас живую речь Витебска и Полоцка середины XIII в., а также особенности графики и орфографии того времени.

Текст написан с сохранением в основном традиций древнерусской каллиграфии, уставом, но с незначительными элементами скорописи, которые отражаются прежде всего в начертании надстрочных и подстрочных элементов букв. Древнейший ж везде последовательно заменяется буквой у (не оу). Буква ѡ выполняет три функции: используется на месте древнейшего сочетания гласного переднего ряда с носовым, обозначая новый гласный [ʼа] (*кнѡзь, сѡ*); обозначает исконный гласный [а] после мягких согласных (*земѡлѡ, мѡстѡрѡ*); пишется на месте а-йотированного (древнерусского): *стоѡти, руськаѡ, лотыгольскаяѡ*. Предлог *от* или сочетание *от...* в начале любого слова обозначается как Ѡ: *Ѡ тое земли, Ѡ ибою сторону, Ѡступити*. Причем в достаточно объемном тексте наблюдается полное единообразие использования указанных графических единиц. Для сравнения: так же в Грамоте полоцкого епископа Якова (около 1300 года): *Ѡ Якова, ѡзь, клѡнѡюсѡ*. Правда, в грамоте рижан витебскому князю Михаилу Константиновичу (около 1300 г.) ѡ и ѡ различаются: *кнѡжо, идѡ*, но *Ѡѡлѡ, дѡѡлѡ* [5]. Однако эта грамота была написана в Риге, ее русский вариант является переводом с немецкого. И этот перевод мог быть осуществлен не витеблянином или полочанином.

Наконец, следует отметить, что и в грамоте князя Герденя, и во всех других полоцко-витебских грамотах (и смоленских) этого времени начальный звук [о] в словах практически всегда обозначается буквой ѡ.

Таким образом, уже эти начальные наблюдения свидетельствуют, что к середине XIII века, во всяком случае на витебско-полоцкой территории, сложилась определенная орфографическая система, существовали общепринятые правила написания, то есть письмо было в определенном смысле вполне нормированным, хотя правила эти еще не были закреплены в каких-либо справочниках.

В лексическом плане текст грамоты практически полностью восточнославянский. Единичные иноязычные слова введены для обозначения прибалтийских общественно-политических реалий: *местерь, ратьман*.

Говоря о заимствованной лексике в тексте грамоты, уместно здесь подвергнуть сомнению утверждение отдельных исследователей о славянском происхождении имени Гердень [1, с. 297], которое по своей фонетической структуре противоречит восточнославянским фонетическим законам. Поэтому дискуссия о том, славянской или литовской династии принадлежал князь Гердень, решается, вероятно, не в пользу первой.

Грамота Герденя 1264 года отражает отдельные элементы формирования будущего белорусского языка. В частности, ряд представленных в тексте форм можно считать переходными от древнерусского к будущему белорусскому языку. К таким можно отнести:

- причастие *поклепани* (ср. совр. белор. *паклёп* – русск. ‘*клевета*’, ‘*оговор*’): *што поклепани на рѣзне*;
- причастие (в древнерусском) *створиль*: *миръ есмы створи^л*. (Древнерусск. *сѣтвориль* → *створи^л* → совр. белор. *стварыў*);
- местоимение *тую*: *не вѣступати сѧ на тую землю*. По аналогии с этим местоимением, скорее всего, образовано и местоимение *сую* (вместо исконого *сию*): *кто видить сую грамот(у)*;
- местоимение *тыхъ*: *тыи^{хъ} кто ло не^м буде^м*. (Древнерусск. *тѣхъ* → *тыхъ* → совр. белор. *тых*);
- местоимение *тие*: *тие лю^д што ныне живи суть*. (Древнерусск. *ти* → *тие* → совр. белор. *тыя*);
- наречие *тогда*: *тогда напсана в Ризе*. (Древнерусск. *тъгда* → *тогда* → совр. белор. *тады*).

В анализируемой грамоте последовательно прослеживаются результаты диссимиляции согласных после падения редуцированных в местоимении *што*: *чѣто* → *что* → *што*. Это местоимение употреблено в тексте 8 раз, и только в форме *што* (и ни одного случая *что*): *што ныне живи суть*,... *што руськаѧ земля словеть полочькаѧ*... Вероятно, форма *што* во второй половине XIII века уже была нормой на витебско-полоцких землях. Кроме Грамоты Герденя, она последовательно используется и в других текстах, в том числе в Грамоте полоцкого епископа Якова (около 1300 г.): *што вамъ было надобѣ*... Между тем, как ни странно, это правило не распространяется на местоимение *кто*. Во всех случаях употреблена только форма *кто*: *кто видить сую грамот^м*... *кто на после приидуть*... Форма *хто* проникает в письменность гораздо позже. Например, в Грамоте княгини Ульянии (около 1377 г.) читаем: *а хто имее^м тое закла^{ды} вать*...

Древнерусские тексты интересны и важны для современного исследователя и с точки зрения исторической лексикологии. По ним часто можно проследить значительные изменения семантики слов в истории языка. Так, в описываемой грамоте Герденя за 1264 год читаем: *в которой волости члвкъ извинить^с ту ему правда да^м*... (буквально: *в которой волости человек извинится тут ему правду дать*). В данной фразе значение глагола *извиниться* прямо противоположно его современному значению ‘*принести извинение кому-либо за что-либо*’ и равно современному значению ‘*провиниться в чем-либо*’.

Грамота Герденя – один из древнейших документов, доносящих до нас название жителей Полоцка и Витебска в той форме, в которой они бытовали во второй половине XIII века: *...с ратьманы рижь^скими и с полочаны и видьбляны*... (древний Тв. п. мн. ч), *...так^о полочано^м и видиблянину волно гостити в Ригу*... Обратим внимание на употребленную здесь форму *видьбляны*, которая с 1974 года оспаривается, но которая, по сути, как видим, является древнейшей формой, обозначающей жителей Витебска.

XIII век известен целым рядом документов, дающих представление, с одной стороны, о характере отношений Витебска и Полоцка с прибалтийскими соседями, а с другой стороны, свидетельствующих, что к этому времени уже складывается специфическая система языка северо-восточных белорусских земель, отраженная в устойчивых письменных формах.

Большинство документов – это договоры торгового характера, регулирующие права и ответственность купцов на той и другой территориях. Правда, во многих случаях такие грамоты носят острый, если не сказать ультимативный

характер. Одна из таких грамот известна под названием «Грамота рижан Витебскому князю Михаилу Константиновичу». В памятнике отсутствует указание на дату, но исследователи относят ее к 1300 году [5, с. 43].

Говоря современным дипломатическим языком, мы бы назвали эту грамоту нотой протеста: в ней последовательно высказываются претензии («обиды») к князю Михаилу, указывается на якобы имевшие место нарушения им существующих ранее договоров. Практически все «обиды» касаются притеснения рижских купцов, незаконное, по мнению рижан, изъятие у них товара, отмечаются «коварство», «хитрость» и «жестокость» Витебского князя: «...ту его емъшо били и рвали... и потомъ княжо ты на другыи днь емъ его оковаль вси... а товара вси отяль на .г. берковъскы воску... забыл еси княжо своего крѣтнаго челования» (здесь и далее графика текста по техническим причинам упрощена – Л.В).

В грамоте неоднократно напоминает князю Михаилу, что по подписанному ранее договору в случае нарушения купцом каких-либо правил его товар должен быть возвращен его родственникам: «Аже другъ друга оубиетъ до смрти . а имоуть того члка . кто розбои оучиниль . тому дати вина . по его делу . а товаръ его свободень своему племени».

Интересен факт, что князю вменяются в вину не только те факты «конфискации» имущества немецких купцов, к которым князь имел непосредственное отношение – неправду деять, но и случаи «неправды» по отношению к купцам, которые случались на территории княжества вообще: «как то было нашеи братии поехати . изъ витебеска оу смолнескъ . тогда литва изъимали ихъ на пути . оу твоємъ городе княжо вязяли ихъ . и мучили и товаръ отимали в нихъ а у твоєи волости ся то деяло». Причем князю выдвигается требование «как то темъ людемъ отплатить . тыи товаръ . которымъ то деюлося оу твоєи волости . и оу твоємъ . городе». В пример Михаилу ставится его отец: «аже бы ся то деяло при твоємъ отчи Костянтине . тая бы обида . николи же была нашеи братьи».

Еще более странными кажутся обвинения в адрес Витебского князя Михаила в том, что он, покупая товар, может не заплатить за него («еси торговаль с нима . и не заплатиль... княжо то было тебе достоино»). Подобное упоминается и о некоем брате князя Михаила, который уплатил купцу Ильбранту вместо положенных тридцати «изроев» только семнадцать.

Текст грамоты заканчивается практически ультиматумом Витебску: «мы свое обиды не положимъ . а боле не можемъ терпети».

Документы XV–XVI века демонстрируют новый этап в развитии языка этих территорий, что отразилось и в текстах, написанных на востоке Белорусского Поозерья.

Среди памятников письменности, которые представляются особенно интересными и полезными для исследователей истории формирования белорусского языка, особое место занимают Актовые книги Витебского земского суда. В том числе документ, датированный 1601 годом. Чуть более 30 лет прошло со дня подписания Люблинской унии. С этого времени более чувствительным становится польское влияние на все стороны жизни Великого княжества Литовского. Как справедливо отмечает А.М. Булыко, в некоторых памятниках этого периода сила польского влияния проявляется настолько выразительно, что рядом с языковыми средствами, оправданными выразительно-коммуникативной функцией, начинают использоваться польские лексические единицы, заимствование которых совершенно не вызвано потребностями собственной лексической системы [6].

Создатели Актовой книги Витебского земского суда отражают взвешенно-объективные тенденции польского влияния на развитие северо-восточных

белорусских говоров. Чтение Актовой книги сегодняшним исторически подготовленным читателем не вызывает впечатления чужеродности языка. Скорее наоборот: язык памятника выступает как прообраз, иллюстрирующий определенную начальную стадию формирования собственно белорусского языка. Текст насыщен лексемами и словосочетаниями, которые, с одной стороны, подчеркивают принадлежность данного языка к системе родственных славянских языков, а с другой стороны, демонстрируют тенденции собственного пути развития. На это указывают такие, например, формы, как *чыим, тогды, тыми, зъневажаючы, не дбаючы, лелей ведаець, имены назвати умеець, прышодшы до замку* и др.

Как известно, наиболее беззащитной перед иноязычным влиянием является лексическая система языка. Фонетика и грамматика более устойчивы и консервативны. И выводы, полученные в результате анализа этих языковых уровней, отличаются наиболее высокой степенью объективности. Кроме этого, польскоязычное влияние на первой стадии проходило прежде всего через документы, через письмо. Поэтому лексические заимствования и возможны, и понятны. Проявление в тексте фонетических особенностей разговорной речи есть результат, с одной стороны, стремления писца наиболее точно передать установившуюся «задокументированную» другими текстами фонетическую форму слова, а с другой – часто – подсознательное проявление родной речи автора.

В названной Актовой книге Витебского земского суда последовательно отражаются фонетические процессы, характерные большей части восточнославянских говоров этого времени. И вряд ли здесь можно говорить о польском влиянии. Это, в частности, отражение на письме отвердения шипящих [ж] и [ш], что в тексте обозначается написанием после них гласных непятого ряда: *постановишысе, набравшысе, пропомневшы, нашого, держыт*. Отвердение [ч] обозначается не только в единичных такого рода полонизмах (*очывисто*), но и во всех без исключения белорусских формах: *лежачый, хотечы, идучом, богушэвчового, чоботора*. То же и относительно нового, отвердевшего [р]: *рымском, прыпалых, грыгорем, прышодшы, писаром*. Кстати, такого рода примеры представляются очень интересными еще и по следующей причине: и у западных, и у восточных соседей эти слова, как известно, имеют отличающееся фонетическое строение, которое отражает специфическую (троичную) историю звука [р]. Сравним: русск. *римский*, белор. *рымскі*, польск. *rymski*. Исходя из этого, можно предположить, что последовательное обозначение твердого [р] на письме может служить аргументом в пользу белорусского происхождения того или иного памятника, что в полной мере относится к анализируемому тексту. Написания в тексте Актовой книги типа *до владу, владники* (а может быть, и *набравшысе, пропомневшы*) можно объяснить развитием неслогового белорусского [ў], для обозначения которого еще не было специального знака.

Среди языковых особенностей анализируемого памятника письменности, которые отражают самостоятельные фонетические процессы, протекавшие на данной территории, необходимо отметить и последовательное употребление [з] на месте этимологического [с] в положении перед гласными и звонкими согласными: *збившы, прозбою, зь многими, з одное, зь другое* (но: *с тыми*).

Непосредственным польским фонетическим влиянием можно объяснить разве что только написания типа *кгородские, срокгости, квалтовье, квалтом, квалтовника, кгда*, где написание *кг* подсказывает необходимость взрывного произношения звука [г]. В большинстве же случаев имеем: *тогды, гсударском, гребніцкий, витебского, гончара, слуги* и под. Такое противопоставление написаний [кг] ↔ [г] может свидетельствовать об установлении уже к концу XVI века на территории исконной Руси активного разграничения своего *г*-фрикативного и заимствованного *г*-взрывного.

Как видно, проанализированные здесь некоторые примеры, извлеченные из грамот, отражающих язык древней Витебщины, свидетельствуют, что к концу XVI в. уже складывается специфическая система языка северо-восточных белорусских земель, зафиксированная в устойчивых письменных формах. И развиваются и формируются они на основе прежде всего собственного языкового потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hanna Popowska-Taborska*. Wczesne dzieje słowian w świetle ich języka. – Wrocław. Warszawa. Kraków. – 1991. – P. 146.
2. *Ермаловіч, М.* Старажытная Беларусь / М. Ермаловіч. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1990. – С. 149.
3. *Латвійский, Г.* Хроника Ливонии / Г. Латвийский. – Ленинград, 1938. – С. 83, 80.
4. *Калядзінскі, Л.* «Витбеск – три стены каменные...» / Л. Калядзінскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 1995. – № 2. – С. 26–27.
5. *Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы.* – Ч. 1 / рэд. Р.І. Аванесаў. – Мінск: Выдавецтва АН БССР, 1961. – С. 87.
6. *Булыка, А.М.* Лексічныя запозычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст. / А.М. Булыка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. – С. 8.

S U M M A R Y

The article deals with three relics of the written language of ancient Vitebsk. It is stated that the language of these texts characterizes the initial stage of the Belarusian language forming, with the local dialect forms serving as its basis.

Поступила в редакцию 14.12.2007